

УДК 811.511.142 : 81'366.58

Н. Б. Кошкарёва

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Россия, 630090

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСПЕКТИВНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Средства выражения перспективности как функционально-семантической категории, обозначающей временную фазу непосредственно перед началом события, в хантыйском и русском языках обнаруживают много сходных черт. Однако лексические средства (частицы и наречия), выражающие перспективность, комбинируются с другими грамматическими значениями: в хантыйском языке с аспектуальными и прагматическими (частица *ší*), в русском – с модальными (наречие *вот-вот*).

Ключевые слова: перспективность, аспект, пропектив, проксиматив, перфектив, авертив, хантыйский язык, русский язык.

Данная статья посвящена описанию средств выражения *перспективности* в хантыйском языке (на фоне русского). Под *перспективностью* мы понимаем функционально-семантическую категорию, обозначающую, что в действительности сложились предпосылки к осуществлению ситуации в близком временном интервале, актуальном для момента речи, причем наступление данной ситуации мыслится как не строго обязательное, хотя и высоко вероятное, и может быть аннулировано внешними условиями.

В разных языках это значение получает выражение на пересечении модально-видовременных категорий: оно может грамматикализироваться как модальная конструкция со значением неизбежности, высокой степени вероятности, как ближайшее (немедленное) будущее, как аспектуальная категория пропектива / проксиматива. При этом перспективность может быть как ядерным, так и периферийным значением тех грамматических средств, посредством которых она репрезентируется. Средства выражения перспективной семантики разнообразны: чаще всего она выражается аналитически – конструкциями, возникающими в результате грамматикализации глаголов движения или намерения, желания и т. п., синтаксическими конструкциями с прототипической локативной семантикой, а также лексическими средствами (наречиями, частицами, провербами).

Пропектив как грамматическая категория в языках разных систем

Пропектив как аспектуальная категория. Статус пропектива (*prospective*) как особой аспектуальной грамматической формы впервые был отмечен Б. Комри [Comrie, 1976. P. 64–65], в отличие от формы немедленного будущего (*immediate future*) [Comrie, 1985. P. 95]. Пропектив обозначает, что в действительности уже имеются «семена» (по выражению Б. Комри, *seeds*) будущей ситуации, наступление которой не обязательно и может быть предотвращено внешними факторами [Comrie, 1976. P. 65; Fleischmann, 1983. P. 190].

В исследованиях перспектива как аспектуальной категории отмечается его отношение к точке отсчета. Дж. М. Андерсон [Anderson, 1973] и Б. Комри [Comrie, 1976] выделяют *ретроперспективные* и *перспективные* аспекты – способ взгляда на событие, при котором в нехронологической или в первично хронологической последовательности устанавливается связь между событием и точкой отсчета (см. также: [Fleischman, 1983. Р. 192; Binnick, 1991. Р. 382]). С. Дик вводит понятие *перспективного* аспекта (*perspectival aspect*), который фиксирует рассмотрение ситуации с точки зрения внешней точки отсчета, это взгляд на ситуацию до ее осуществления («Perspectival Aspect distinctions concern the way in which SoA is viewed upon from the external point of view. When we look forward to the SoA, it is presented *prospectively*: this is Prospective Aspect») [Dik, 1997. Р. 238]. Перспектив отражает субъективную психологическую связь будущего события с настоящим [Emanatian, 1991. Р. 488], устанавливает соотношение между временем осуществления действия и временем, актуальным для дискурса (*reference time, topic time*): время осуществления действия следует за актуальным временем [Toews, 2009]. В. А. Плунгян использует метафору «позиция окна наблюдения» по отношению к тому фрагменту на оси времени, который соотносится с ситуацией, обозначаемой предикатом: «В рамках такого подхода противопоставляются граммы, выражающие “вложенность” окна наблюдения в ситуацию (в зависимости от того, в какой именно фрагмент ситуации вложено окно наблюдения, выделяется *перспектив*, *инцептив*, *прогрессив* / *дуратив*, *комплетив*, *результатив*), и граммы, выражающие “вложенность” ситуации в окно наблюдения (*пунктив* / *лимитатив*). Дополнительную роль при выборе аспектуальной граммы играет акциональный класс предиката: так, прогрессив соотносится с процессами, тогда как перспектив – с состояниями, срединная (“интратерминальная”) часть которых находится в окне наблюдения» [2012. С. 12–13].

Хотя перспектив и не относится к базовым аспектуальным категориям, он довольно часто присутствует в грамматических системах разных языков. Он широко представлен в африканских языках, в которых будущего времени чаще всего нет и данная категория частично восполняет ее отсутствие [Плунгян, 2003] (см. также: [Emanatian, 1991; Toews, 2009; Выдрин, 2012; Эрман, 2012]), отмечается в германских [Comrie, 1976; Quirk et al., 1985; Ziegeler, 2006; Schroeder, 2011], романских [Fleischmann, 1983; Горбова, 2012], кельтских [Reed, 2012], самодийских [Гусев, 2012], юкагирских [Маслова, 2004], тюркских [Johanson, 1971; Nevskaya, 2005]¹, тунгусо-маньчжурских [Перехвальская, 2012], чукотско-камчатских [Волков и др., 2012], арамейских [Coghill, 2010], майя [Виноградов, 2012], языках Северной Америки [Pustet, 2008] и мн. др. Много новых данных о перспективе в иранских, тюркских, уральских и др. языках было представлено во время международного симпозиума «The Prospective as a Grammatical Category: Evidence from Turkic, Iranian and beyond». Frankfurt a.M., 23–25 September 2013². Таким образом, можно признать типологически значимый характер этой категории [Dahl, 1985. Р. 112]³.

Для юкагирских языков актуальна дифференциация перспективных значений, которые выражаются двумя различными конструкциями – интенциональной и провиденциальной. Их значения включают отсылку к некоторому положению дел, соотносённому с последующим событием, но в интенциональной конструкции это положение дел соответствует внутреннему состоянию субъекта предстоящего действия (в частности намерению совершить действие), а в провиденциальной – внешним по отношению к субъекту обстоятельствам, предопределяющим предстоящее событие независимо от намерений его участников [Маслова, 2004. С. 212].

С. Дик в рамках «перспективного вида» выделяет четыре разновидности, две из которых являются частными случаями перспективы: 1) собственно перспектив (*is going to cry* ‘собирается заплакать’); 2) ближайший перспектив (*is about to cry* ‘вот-вот заплачет’); 3) перфект

¹ См. также: Jendraschek G. Future tense, prospective aspect, and irrealis mood as part of the situation perspective: Insights from Basque, Turkish, and Papuan. URL: <http://www.academia.edu/1246987>

² URL: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/prospective/>

³ Однако в более поздней работе Э. Даль приходит к выводу, что вряд ли есть основания считать перспектив самостоятельным межъязыковым грамматическим типом, отличным от ранних времен [Dahl, 2000. Р. 319]. Вероятно, это обусловлено тем, что Э. Даль относит перспектив к временным, а не аспектуальным категориям.

недавнего прошлого (*has just cried* ‘только что плакал’); 4) собственно перфект (*has cried* ‘поплакал, и это сейчас важно’) [Dik, 1997. Р. 239] (см. рисунок).

Отношения между ситуацией и возможными точками отсчета

Таким образом, в некоторых языках перспектив оказывается родовым понятием по отношению к более частным грамматическим значениям. На рисунке С. Дика ему соответствует левая часть шкалы, которая символизирует предшествование точки отсчета моменту совершения события. В зависимости от индивидуальных особенностей каждого языка это пространство может покрываться либо единой грамматической категорией, либо дробиться на более конкретные значения, в основе противопоставления которых могут лежать или чисто временные, или осложненные модальными оттенками смыслы.

Перспектив и проксиматив. Для описания сходных явлений в языках разных систем используется также термин *проксиматив* (*proximative*), введение которого связывают с именем Б. Хайне. Он выделил в суахили грамматическую категорию, которую первоначально назвал *ALMOST-aspect* ‘аспект почти случившегося действия’, однако после работы К. Кёниг [König, 1993] стал широко использоваться термин *проксиматив* для описания данного явления в африканских [Heine, 1994], болгарском [Kuteva, 2001], корейском [Rhee, 2005], лакота [Pustet, 2008. Р. 249], эстонском [Erelt, Metslang, 2009] и др. языках, в пиджинах [Romaine, 1999], а также в широкой типологической перспективе [Heine, Kuteva, 2002]. Термины *перспектив* и *проксиматив* стали употребляться параллельно и независимо в разных научных традициях.

Проксиматив обозначает временную фазу непосредственно перед началом возможного осуществления действия, названного глаголом [Heine, 1994. Р. 36, 94]. «The proximative defines a temporal phase located close before the initial boundary of the situation described by the main verb» [Kuteva, 2001. Р. 92]. Т. Кутева считает проксиматив чисто аспектуальной категорией, отличительным свойством которой является семантика близости (*imminence*) [Ibid.].

При определении аспектуальной специфики проксиматива Д. Зиглер опирается на представление об аспекте как метафорическом средстве абстрагирования в физическом действии или состоянии структурных контуров конкретного, физического явления: близость (*proximity*) к действию или состоянию подразумевает ассоциацию, которая мыслится как пространственная метафора [Ziegeler, 2006. Р. 140], что особенно отчетливо реализуется при выражении проксиматива локативными конструкциями типа англ. *on the verge of V-ing, nearly, be about to* и т. п. (метафора местонахождения) или при использовании глаголов движения в аналитических конструкциях проксимативной семантики (метафора движения, приближения) [Dik, 1997. Р. 240].

В. А. Плунгян делает попытку разграничить термины *перспектив* и *проксиматив*: перспектив выражает такое состояние субъекта, при котором наступление ситуации Р становится высоковероятным; значение *проксиматива* соответствует моменту непосредственного наступления ситуации в ближайшей временной окрестности (ср. рус. *вот-вот*) [2003. С. 33]. Это разграничение подобно «собственно перспективу» и «ближайшему перспективу» в терминологии С. Дика [Dik, 1997. С. 239]. Несмотря на то что В. А. Плунгян относит перспектив к аспектуальным категориям, представление о высокой вероятности осуществления события сближает перспектив с модальностью, а указание на соответствие будущему времени вписывает проксиматив в сферу грамматических времен. В таком определении перспектив выступает как комплексная категория, основным значением которой является аспектуальность, осложненная модальным оттенком вероятности, а проксиматив – как аспектуальная категория, сближающаяся с будущим временем. Для более корректного определения перспектива / проксиматива как аспектуальной категории необходимо усиление в формулировке собственно аспектуального признака – отношение говорящего к разворачиванию действия во времени.

Однако в других работах под проксимативом В. А. Плунгян понимает иной тип отношений, который описывает ситуацию (непредвиденной) остановки процесса в непосредственной близости к финалу (рус. *чуть не*) [2001]. Аналогичное употребление этой пары терминов находим и в работе В. Ф. Выдрина [2012. С. 582, 606]. Однако чаще это отношение обозначается термином *авертив* (см. об этом ниже).

Как нам представляется, термины *проспектив* и *проксиматив* употребляются чаще всего как синонимы для обозначения аспектуальной категории, фиксирующей положение дел непосредственно перед наступлением актуального возможного события (см. также: [Cinque, 1999. Р. 97; Narrog, 2012. Р. 282]). Поэтому в дальнейшем изложении мы будем использовать их как синонимы в соответствии с их употреблением в цитируемых работах, отдавая предпочтение термину *проспектив* в собственных исследованиях.

Проспектив / проксиматив и другие аспектуальные категории, связанные с зоной будущего: дестинатив и предиктив. Близкими проспективу являются редкие категории *дестинатива* и *предиктива*, в которых усиливается модальный оттенок высокой вероятности осуществления события, обусловленный внутренними или внешними факторами, что обнаруживает определенное сходство с делением перспективных значений на интенциональные и провиденциальные.

Категория *дестинатива* в армянском языке сближается с юкагирской категорией провиденциалиса: дестинатив обозначает ситуацию, наступление которой в описываемый момент времени представляется говорящему неизбежным в силу внешних обстоятельств. Презенс дестинатива является одним из функциональных эквивалентов будущего времени с модальным оттенком долженствования. В. А. Плунгян отмечает близость дестинатива и проспектива как показателей подготовительной фазы ситуации [2006].

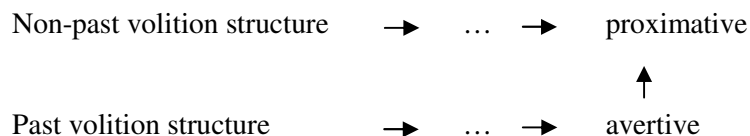
Предиктив (predictive) используется для формулировки предсказаний в высказываниях типа *Если съешь ядовитые грибы, то умрешь* или в ответах на вопросы типа *Как ты думаешь, что будет делать твой брат, когда мы вернемся?* Это редкая категория, которая получает преимущественно перифрастическое выражение и имеет необязательный характер [Dahl, 1985. Р. 110–111]. От проспектива она отличается модальным оттенком предсказуемости события.

Проспектив / проксиматив и другие аспектуальные категории, связанные с зоной прошедшего: перфектив и авертив. Теоретическое выделение и осмысление проспектива в работе Б. Комри [Comrie, 1976. С. 64–65] было основано на представлении о потенциальной симметрии грамматических категорий: *перфектив* передает свершившееся действие как еще релевантное для момента говорения, а *проспектив* – как действие, релевантное в будущем. Общим является то, что событие, лежащее в одном временном срезе, актуализируется через призму другого. Подтверждения симметричного характера проспектива и перфектива как обозначающих актуальное для момента речи событие в прошлом или будущем обнаруживаются в разных лингвистических описаниях (см.: [Toews, 2009; Coghill, 2010. Р. 369; Schroeder, 2011; Reed, 2012] и др.); в языке лакота проксиматив признается субкатегорией перфективного аспекта [Pustet, 2008. Р. 249]. Сходство проспектива и перфектива обнаруживается также и в том, что оба они могут характеризовать состояние субъекта в точке отсчета: так, предложение *John is going to be a rich man* ‘Джон станет богатым’ интерпретируется как утверждение «в момент речи Джон таков, что ситуация ‘Джон богат’ наступит в будущем при естественном ходе событий» [Майсак, 2005. С. 353].

Близкой проспективу / проксимативу является категория *авертива*, или, как Т. Кутева называет ее в одной из работ, категория *ANA (action narrowly averted* ‘чуть было не совершившееся действие’). Ср. также синонимичный термин *propinquitive*, который не получил широкого распространения [Johanson, 2000. Р. 150].

Значение авертива складывается из следующих составляющих: *imminence* ‘близость’ (аспектуальность) + *counterfactuality* ‘противоречие, несоответствие’ (модальность) + *past* ‘прошедшее’ (темпоральность) [Kuteva, 2001. Р. 100]. Таким образом, проксиматив в прошедшем порождает авертив [Ibid. Р. 109; Майсак, 2005. С. 160], что, по-видимому, и дает основание В. А. Плунгяну называть эту категорию проксимативом и рассматривать ее как разновидность антирезультатива [2001].

Схематически соотношение между проксимативом и авертивом Т. Кутева изображает следующим образом:

Различия между проксимативом и авертивом касаются семантики и функционирования в тексте. Проксиматив может употребляться и в прошедшем, и в непрошедшем временах, тогда как авертив – только в прошедшем. Проксиматив в первую очередь обозначает близкий отрезок времени, тогда как авертив – несоответствие [Kuteva, 2001. Р. 95]. Это две различные граммы, которые частично перекрываются в контекстах прошедшего времени. В некоторых языках проксиматив содержит отрицательный противоположный компонент [Nouwen, 2006. Р. 1], т. е. зоны авертива и проксиматива в зависимости от средств их выражения могут пересекаться также в области отрицания.

Перспектив / проксиматив и категория времени. Многие ученые отмечают, что перспектив может сочетаться с разными грамматическими временами, что доказывает его аспектальный, а не темпоральный характер, хотя пересечения с планом будущего и планом настоящего очевидны, поскольку в семантике перспектива совмещается представление о текущем положении дел и его перспективе в будущем (см., например: [Coghill, 2010. Р. 369]). Поэтому в ряде языков перспективную семантику берут на себя те или иные временные формы (настоящее продолженное, ближайшее будущее и др.). Различия состоят в том, что будущее время сообщает, как сложится ситуация впоследствии, настоящее может указывать на предпосылки будущего события, поскольку они принадлежат текущему моменту, а перспектив актуализирует предпосылки будущего события в момент речи. Формальным критерием разграничения времен и перспектива считается способ их выражения: времена обычно выражаются морфологически, а перспектив – перифрастически.

Однако в работах некоторых ученых перспектив либо прямо включается в состав временных категорий, либо статус перспективных показателей определяется нечетко. Так, описывая функции показателя *-ecek* в турецком языке, Л. Йохансон отмечает неразрывный комплекс его временных, аспектальных и модальных значений. Он указывает на естественную связь будущего времени с потенциальной модальностью: желание, намерение, вероятность вытекают из предвидения, что событие совершится в определенной точке относительного будущего [Johanson, 1971; 1994. Р. 248–255].

Э. Даль рассматривает перспектив в разделе «Временные категории», куда включаются формы с первичной временной семантикой, а также некоторые другие, имеющие отнесенность к будущему времени («Other categories which signal future time reference»), которые не могут быть безоговорочно включены в какие-либо иные разряды [Dahl, 1985. Р. 103, 110–112, 189]. На основе признака *future time reference* сюда относится и перспектив, который, по мнению Э. Даля, типичен в контекстах с отчетливым компонентом намерения, служащих ответом на вопросы типа *Что ты сейчас собираешься делать?*

Способы выражения перспектива / проксиматива. Как правило, перспектив / проксиматив является результатом грамматикализации конструкций с вспомогательными глаголами, чаще всего это глаголы движения и модальные глаголы со значением желания, намерения, готовности совершить действие. Типичным для многих языков является перифрастическое выражение перспектива: из 19 зарегистрированных в исследовании Э. Даля случаев только один представляет собой пример морфологического выражения категории перспектива [Dahl, 1985. Р. 185]. Развитие определенных лексических элементов в сторону грамматикализации значения перспектива / проксиматива носит универсальный характер (см.: [Heine, Kuteva, 2002; Coghill, 2010. Р. 288] и др.).

Синтаксическим средством выражения перспектива являются конструкции с прототипическим локативным значением ‘находиться поблизости от чего-л.’, как, например, в совре-

менном английском языке ‘be about to’, ‘be on the verge / point of’ [Kuteva, 2001. P. 108], в Tok Pisin конструкция с семантикой ‘X is near to Y’ [Romaine, 1999] и др.

К лексическим средствам относятся наречия, подобные англ. *almost, near*, рус. *вот-вот*. Проксимативные наречия употребляются также в испанском [Pons Bordería, Schwenter, 2005] и мн. др. языках. Отмечается их функциональное сходство с проксимативом африканских языков [Ziegeler, 2006], а в работе [Quirk et al., 1985] они были названы аппроксиматорами (*approximators*). В некоторых языках, например латинском и литовском, не исключается возможность выражения проспективной семантики превербными [Панов, 2012. С. 729; Аркадьев, 2012].

Имеется несколько формальных критериев квалификации грамматических форм как проспективных.

1. Если возникает проблема определения того или иного глагола (прежде всего глагола движения) как смыслового или вспомогательного, необходимо учитывать тип ситуации: для вспомогательных глаголов движения допустимо сочетание с неодушевленными существительными в роли субъекта, которые обозначают предметы, не способные совершать действие по собственной воле и контролировать его.

2. Для проспектива характерно использование преимущественно форм 1-го л., так как представление о намеренном, целенаправленном действии для них более естественно, чем для форм 3-го л.

3. Проспектив может сочетаться с разными временными формами.

4. Для форм проспектива возможна комбинация с отрицанием.

5. Проспектив выражается преимущественно перифрастически.

6. Кроме того, в типологических работах (см., например: [Dahl, 1985; 2000]) исчислены типы контекстов, в которых появление проспектива высоко вероятно.

Средства выражения проспективности в хантыйском языке

В хантыйском языке проспектив как грамматическая категория не грамматикализован, однако возможности выражения проспективной семантики имеются и в текстах они реализуются достаточно частотно. Поэтому применительно к хантыйскому языку мы говорим о проспективности как функционально-семантической категории и описываем разноуровневые средства ее выражения.

В хантыйском языке нет будущего времени, поэтому проспектив как временная категория не грамматикализуется; не так широко, как в тюркских языках, развиты аналитические конструкции, поэтому проспектив выражается лексически или синтаксически.

Частица *śi* / *č̣i*

как лексическое средство выражения проспективности

Основным средством выражения семантики проспектива является полифункциональная лексема *śi* (западные диалекты) / *č̣i* (восточные диалекты), высоко частотная в текстах: в проанализированной нами сказке на одном из восточных диалектов – сургутском она встречается 90 раз в 300 предложениях, т. е. примерно в каждом третьем предложении. Приведем случайно взятый отрывок из фольклорного текста:

(1) сург.

Йа чу нэнэ төм өс, мэта төрэм йүтнэ пөтэл лүв, эй нэнэ йасэң илэ түтахэ, нүң Эвэт пүхля инам вөллэх мэнихат. И чу вөллэх **чи** мэн. Йа **чи** панэ өттэ сярнам өс **чи** мэн. Сярнам мэн-мэн, эй мэта латнэ Эвэта **чи** йөхэт. Эй латнэ Эвэта **чи** йөхэт, Өхэн Эвэта чу кимнэм мят. Лүв **чи** нэ **чи** қөтэт-күрэт, ылэ төп ымэл, чу ликэпа, липэк өң вантэна, Эвэт вөлтэ төхийа ымэл. Панэ чажа вөнтэ вөлтэ пälэкнам, қөтэл пөқэнтэ пälэкнам, вөнтэ вөлтэ пälэкнам, энэл йүх **чи** кәсэмтэх. Төзнам **чи** әүрэмтэх. Тәми мэта най төйәм пәх? Мэта вөллэл лек сойәмнат. Өхэн йәнка нык қөтөп. Йа лүв төха путо, чу йәнкә лөйәмтэх. Чуминт сөйәми ай йәвәны нык сөләқинт. Панэ чәхэ сүч, ньавәм: «Йа чет чажа мампә чет **чи** вөләм, вөләм, энэл төрэм қо

йэхимнэ ньўлэ **чи** арийаллойэмэн. Мампэ қөнтэх қойэнкэ **чи** йэхэм. Чу ньўла пэ **чи** рәңиплэмэн⁴.

В сочетаниях с именами (*śi / ċi* + N) эта частица выражает значение контрастивного фокуса и маркирует отсутствие в анафорическом контексте множества с релевантным признаком [Кудринский и др., 2012. С. 104–105]:

(2) сург.

Pir qetət ałəŋ ċi iki jastət...

pir	qetət	ałəŋ	ċi	iki	jast=ət=∅
следующий	день	утро	этот	мужчина	говорить=Pr=SUBJ/3Sg

‘На следующее утро этот мужчина говорит...’

Используется она также в адбериальной функции и в составе сложных частиц, например:

(3) каз.

Pa śi, śi wərən pǎrəs, śi [Касум мув моньшат-путрат, 2002. С. 144].

[pa śi]	[śi wər=ən]	pǎrəs=s=∅	śi
[и так]	[этот дело=POSS/2Sg/Sg]	исчезнуть=PAST=SUBJ/3Sg	вот

‘И вот это дело кончилось, вот.’

В данной работе мы рассматриваем только приглагольное употребление этой частицы (*śi / ċi* + V), наиболее частотное в текстах (90 % случаев употребления). Она ставится непосредственно перед глаголом, который занимает в предложении конечную позицию, и выполняет аспектуальные (средство выражения перспективности и перфективности) и коммуникативные (средство выражения актуального членения – маркер ремы) функции.

Аспектуальные функции частицы *śi / ċi*

Частица śi / ċi как показатель перспектива. В сочетании с глаголами настоящего времени данная частица передает значение перспективности и переводится на русский язык при помощи наречия *вот-вот*.

śi / ċi + Tv=Pr (перспектив: вот-вот что-то произойдет)

(4) сынськ.

Xūw ał jǎŋxati, pūtəm śi jetšət.

xūw	ał	jǎŋx=ati
долго	NEG/IMPER	ходить=IMPER/SUBJ/2Du
pūt=əm	śi	jetš=ət=∅
котел=POSS/1Sg/Sg	вот	закончиться=Pr=SUBJ/3Sg

‘Долго не ходите, еда (букв.: котел) **вот-вот** сварится.’

В предложениях перспективной семантики свободно выступают как одушевленные (пример 5), так и неодушевленные (пример 6) субъекты:

(5) сынськ.

Rūwən śi xǎttəw.

rūw=ən	śi	xǎtt=ł=əw
жара=LOC	вот	умереть=Pr=SUBJ/1Pl

‘[Мы] вот-вот умрем от жары.’

⁴ Примеры, которые не сопровождаются ссылками на источник, получены автором от информантов во время полевых исследований хантыйского языка. В первой строке примеров из опубликованных источников сохраняется графика и орфография оригинала. Глоссирование выполняется в финно-угорской транскрипции.

(6) сынъск.

Kamən pǎrkatijten atəm, tənśen śi śi tōtat.

kamən	pǎrkatij=t=en	atəm	
снаружи	отряхиваться=PrP=2Sg	плохо	
tənś=en	śi	śi	tōta=I=Ø
снег=POSS/2Sg/Sg	этот	вот	растаять=Pr=SUBJ/3Sg

‘Надо отряхиваться снаружи (букв.: снаружи отряхиваться [разве] плохо), снег на тебе вот-вот растает.’

Частица śi / ċi как показатель перфектива. В сочетании с глаголами прошедшего времени эта частица имеет перфективное значение: что-то недавно произошло, и результат по-прежнему актуален. Здесь также возможны и одушевленные (пример 7), и неодушевленные (пример 8) субъекты.

śi / ċi + Tv = Past (перфектив: только что что-то произошло)

(7) шур.

Wanəł-χāwəł mǎntsəw, pa jōχi śi jōχətsəw.

wan=əł	χāw=əł	mǎnt=s=əw	
близко=POSS/3Sg/Sg	далеко=POSS/3Sg/Sg	ходить=PASt=SUBJ/1Pl	
pa jōχi	śi	jōχəts=s=əw	
и	домой	вот	прийти=PASt=SUBJ/1Pl

‘Долго ли коротко ходили и вот мы пришли домой.’

(8) шур.

Min mǎñsemən-pōtremən śi jetšəs.

min	moñs=emən	pōtr=emən	śi	jetš=əs=Ø
1Du	сказка=POSS/1Du/Sg	рассказ=POSS/1Du/Sg	вот	закончиться=PASt=SUBJ/3Sg

‘Наша сказка-рассказ закончилась’.

Возможности сочетаемости частицы śi / ċi с разными грамматическими формами и структурными типами сказуемых. У данной частицы нет ограничений на сочетаемость с разными грамматическими формами: она свободно употребляется при глаголах в форме неочевидного наклонения (пример 9), при пассиве настоящего или прошедшего времен (примеры 10, 11, 12).

śi / ċi + Tv = EVID

(9) шур.

Jerta-wəta śi jūwmał.

jert=a	wət=a	śi	jūw=m=əł
дождь=DAT	ветер=DAT	вот	стать=EVID=3Sg

Букв.: К дождю, к ветру вот стало.

‘Начался, оказывается, дождь и ветер.’

śi / ċi + Tv = PASS

(10) сынъск.

Tāta śi pǎtliłajəw.

tāta	śi	pǎtli=I=aj=əw	
здесь	вот	стемнеть=Pr=PASS=SUBJ/1Pl	

‘Здесь нас застала темнота.’

(11) шур.

An-sun śi oməssajət, wulet śi χatśasajət.

an-sun	śi	oməs=s=aj=ət	
чашка-тарелка	вот	посадить=PASt=PASS=SUBJ/3Pl	

wule=t **śi** $\chi atśa=s=aj=ət$
 олень=PI **вот** принести в жертву=**PAST=PASS=SUBJ/3PI**
 ‘(Они) расставили посуду, принесли в жертву оленей.’

(12) шур.

Anłamn-sunłamn murəχən śi tekansajət.

an=łamn sun=łamn murəχ=ən
 чашка=POSS/1PI/PI посуда=POSS/1PI/PI морошка=LOC
śi tekan=s=aj=ət
вот наполниться=**PAST=PASS=SUBJ/3PI**
 ‘Наша посуда наполнилась морошкой.’

Свободно сочетается данная частица с разными структурными типами сказуемых, в том числе с аналитическими конструкциями глагольных и именных сказуемых.

śi / čī + Tv = CV + V^{EX/AUX} (аналитическая конструкция с семантикой статального пассива)

(13) шур.

In χətət werłajət owlāt-iśñitāt mōχti śi werman ultət.

in χət=ət wer=ł=aj=ət ow=łāt
 теперь дом=PI делать=Pr=PASS=SUBJ/3PI дверь=POSS/3PI/PI
 iśñi=łāt mōχti **śi** wer=**man** **ult**=ł=ət
 окно=POSS/3PI/PI сразу **вот** делать=CV **быть**=Pr=SUBJ/3PI
 ‘Теперь дома сразу делают с дверями и окнами.’

Сочетается она также и с именными сказуемыми, которые обозначают скорый переход в новое состояние, при этом значение будущего не обязательно является «ближайшим», событие начинает интерпретироваться как неизбежное, которое обязательно произойдет, т. е. при именных сказуемых усиливается модальный оттенок неотвратимости, а не аспектуальный перспектива:

śi / čī + именное сказуемое

(14) сынск.

Ñölmen jāmā śi jīt.

pana=POSS/2Sg/Sg jām=a **śi** ji=ł=∅
 wound=POSS/2Sg/Sg хороший=DAT **вот** стать=Pr=SUBJ/3Sg
 ‘Рана твоя скоро заживет (букв.: вот-вот хорошей станет).’

Приведем пример, в котором частица *śi / čī* в первой части сочетается с глаголом в форме прошедшего времени, а во второй части – с глаголом в форме настоящего времени. Оба описываемых события соприкасаются с моментом речи.

1-я часть: *śi / čī* + Tv=PAST

2-я часть: *śi / čī* + Tv=Pr

(15) сынск.

Tōp sōrta śi jis, śi pōtāt, śi pōtāt.

tōp sōrt=a **śi** ji=s=∅
 только короткий промежуток времени=DAT **вот** стать=**PAST=SUBJ/3Sg**
śi pōt=∅=∅ **śi** pōt=∅=∅
вот замерзнуть=Pr=SUBJ/3Sg **вот** замерзнуть=Pr=SUBJ/3Sg
 ‘Немного времени прошло, вот-вот замерзнет, вот-вот замерзнет.’

Дополнительные средства указания на минимальный интервал между моментом речи и событием. Данная частица может сопровождаться временными наречиями, обозначающими близкий интервал, еще более сокращая его.

ADV + *śi* + V_f

(16) шур.

Łŭw in śi śi jōχətət.

łŭw {in śi} [śi jōχət=ət=∅]
он/а {теперь вот} [вот прийти=Pr=SUBJ/3Sg]

‘Он/а вот-вот придет.’

(17) шур.

Tuŭta-tāŭta lāp jeŭemətən pa mōχti śi katətŭew.

tuŭta tāŭta lāp jeŭem=ətən
там здесь PREVERB перегородить=IMPER/OBJ/2Pl/Sg
па mōχti śi katət=ət=ew
и немедленно вот поймать=Pr=OBJ/1Pl/Sg

‘Перегордите реку отсюда дотуда и сразу же его поймаете.’

(18) сынъск.

Xŭti łaraśew jeśawuŭ śi taŭamət.

xŭt=i łaraś=ew jeśawuŭ śi taŭam=ət=∅
рыба=ADJ ящик=POSS/1Pl/Sg скоро вот опустошиться=Pr=SUBJ/3Sg

‘Рыба в ящике вот-вот кончится (букв.: рыбный ящик вот-вот опустошится).’

(19) шур.

In rūśət śi jōχətət, nāŭ pa āškulaja ŭŭtājən.

in rūś=ət śi jōχət=ət=∅
скоро русский=Pl вот прийти=Pr=SUBJ/3Pl
nāŭ па āškulaj=a ŭt=ət=aj=ən
ты тоже школа=DAT взять=Pr=PASS=SUBJ/2Sg

‘Русские вот-вот приедут, тебя тоже в школу заберут.’

Краткость интервала может дополнительно акцентироваться моментальным суффиксом в составе глагольной словоформы.

śi + Tv = MOM

(20) шур.

Jerta-wōta śi jŭwəmtət.

jert=a wōt=a śi jŭw=əmtə=ət=∅
дождь=DAT ветер=DAT вот стать=MOM=Pr=SUBJ/3Sg

Букв.: К дождю, к ветру вот станет.

‘Вот-вот начнется дождь, [поднимется] ветер.’

Синтаксические конструкции с повтором глагола. Синтаксическим средством выражения проспективной семантики служит конструкция «*śi* V, *tām* V», в которой глагол повторяется, и при нем используются синонимичные полифункциональные лексемы *śi* и *tām* ‘вот’, ‘этот’, ‘здесь’, которые в данном случае выступают в роли пространственных наречий, указывающих на близкое расположение в пространстве. При этом наречие *śi* обозначает более близкое к точке отсчета место по сравнению с *tām*, например:

(21) каз.

Kew śi rākənλ, tām rākənλ.

kew śi rākən=λ=∅ tām rākən=λ=∅
камень вот упасть=Pr=SUBJ/3Sg здесь упасть=Pr=SUBJ/3Sg

‘Камень вот-вот упадет (букв.: вот упадет, здесь (на эту сторону) упадет).’

Как и в ряде других языков, проспективность выражается конструкцией с прототипической локативной семантикой (пример 21). Особенностью хантыйской конструкции является

совмещение статического и динамического пространственных значений. В ней используются глаголы направленного движения (в данном случае – *упасть*), но локализатор при них – статический, что усиливает результативность процесса: движение завершилось нахождением в ближайшей точке пространства.

В этом примере не только сам факт мыслится как неизбежный, неотвратимый, но и предельно конкретно предсказывается место, где событие произойдет. Однако значение этой конструкции не обязательно связано с выражением пространственных отношений. В следующих примерах с одушевленным субъектом и глаголами других ЛСГ эта конструкция обозначает близкое предсказуемое будущее, а не место, где свершится событие:

(22) каз.

[В чуме лежит больной мужчина, к которому приходит шаман, чтобы его вылечить, но мужчина впоследствии все равно умирает.]

Ин Ай Лэв-тый хэ, сапъял эвътла вэн ця́ртя́н хэ [вантыйл]: мяттырн, вўтн нўм нурумн йи уки улл. Мяттырн, тям лылл – тум лылл пилл, цци хя́лл – тям хя́лл, тэп еуя́л: «Е-е-е...» Ци, щимурта ювмал, цци хя́лл – тям хя́лл [Касум мув моньшат-путрат, 2002. С. 136] – Мужчина с верховьев Малой Сосьвы, шаман, которого в шею поранить невозможно, смотрит: оказывается в дальнем углу на нарах лежит мужчина. Оказывается, он едва-едва дышит (букв.: здесь дышит, там дышит), стонет.

ši xātət – tām xātət

<i>ši</i>	<i>xāt=ət=Ø</i>	<i>tām</i>	<i>xāt=ət=Ø</i>
вот	умереть=Pr=SUBJ/3Sg	здесь	умереть=Pr=SUBJ/3Sg
вот-вот умрет,			

(Он) стонет: ‘Э-э-э...’. вот как ему плохо (букв.: до чего он дошел). Вот-вот умрет.’

(23) каз.

[Дети убегают от ведьмы, она их вот-вот догонит, но так и не догнала.]

Ци, ин тям муй, муй лайэм кя́нши йа́нхэс, муй хулта йа́нхэс, па цци ма́р па хўвашиэк пилсэ́нэн. Па имэ́лтыйн па шө́тлэ́нэн, шө́тлэ́нэн, имэ́лтыйн, па цци йи́та́л, цци са́тьл, та́та ванэ́н, цци йи́л.

– Па, ин ця́т хў́лта ма́нлэ́нэн, ици мурт цци ка́тлэ́ллам.

Щиты вана йухэ́тсэ́нэн, цци ка́тлэ́лайу́нэн, тям ка́тлэ́лайу́нэн. Ци кев пул вў́цкэ́слэ, щимэ́ц кэв вў́ра йис, и па нэмэ́лт щирн а́нт утлэ́лэ, ма́нты, ма́нты щирэ́л а́нтөм, муй та́хи эвэ́лт ма́нэл. Па цци хя́цэс [Сказки Вандымовой..., 2012. С. 42].

‘Пока Пурнэ ходила и искала свой топор, дети далеко ушли. Идут они, идут, слышали, что Пурнэ уже близко.

– Куда вы идете, все равно вас поймаю.

Вот-вот догонит их (букв.: вот догонит, здесь догонит). Бросила сестра точильный камень, такая гора выросла, не может Пурнэ через нее пройти, осталась далеко позади’ [Сказки Вандымовой..., 2012. С. 43].

(24) каз.

[В «Сказке-песне о мужчине Мощ и ненецком войске» речь идет о том, что всю семью хантыйской девушки перебили: убили отца и мать, грозят убить старшего брата. Однако в итоге старший брат побеждает.]

*Ай Мощ-хэ йи-пухиен
там мо́нхум ка́лэ́н ё́шүв
лу́вел мо́нхи^(r) ия́ллэ́лүв,
там мо́нхум вў́ра́н ё́шүв*

‘Об маленького мужчину Мощ, твоего брата,
только что вытертые кровавые руки,
об него [еще] вытрем,
только что вытертые окровавленные руки,

Ай Мощ-хэ яена
Щи моңхи^(г)иялжлжүв

[Шмидт, Пятникова, 2006. С. 39].

об маленького мужчину Мощ, твоего брата,
 [еще] вытрем!

[Шмидт, Пятникова, 2006. С. 133].

Контексты, приведенные в примерах 22–24, показывают, что данная конструкция, как это типично для проспектива, не содержит в своей семантике представления об исходе события: в примере 22 ожидаемое свершилось – мужчина умер, в примерах 23 и 24, наоборот, несмотря на высокую вероятность осуществления действий, они не состоялись.

Примеры из разных диалектов хантыйского языка показывают несколько различающиеся пространственные картины: если в казымском (западном) диалекте вначале дается указание на ближайшую точку, а потом на более удаленную, т. е. событие как бы удаляется от наблюдателя, то в примере 25 из сургутского (восточного) диалекта, наоборот, оно приближается к говорящему: вначале употребляется наречие с семантикой ‘там’, а затем – с семантикой ‘здесь’.

(25) сург.

Әй мата латнә вейтахә чи вәрәт. Тәхә вейәмтәллат, чи вейәмтәллат – ‘И вдруг [они] захотели спать. [Они] вот-вот уснут (букв.: уснут там, уснут здесь).’

Возможно, такой порядок следования слов пространственной семантики не носит устойчивого характера.

Таким образом, в хантыйском языке своеобразно реализуется пространственная метафора, типичная для формирования проспективных значений в языках разных систем.

*Система аспектуальных значений частицы *śi / č̣i**. Таким образом, частица *śi / č̣i* в хантыйском языке является маркером временных отношений, локализованных в непосредственном будущем или в близком прошлом, во временном отношении недалеко отстоящих от момента речи. Значение прошлого или будущего, независимо от залога и наклонения, выражается временными аффиксами =*l* настоящего и =*s* прошедшего времен. Частица *śi / č̣i* модифицирует временное значение, привязывая его к моменту речи, безотносительно к тому, направлено оно в прошлое или в будущее. Проспективное и перфективное значения в хантыйском языке выражаются одинаково – лексическим средством, частицей, которая указывает на актуальность результата прошедшего или будущего действия для момента речи.

Данные хантыйского языка подтверждают мнение Б. Комри о том, что проспектив симметричен перфекту [Comrie, 1976. Р. 64–65]: перфект передает свершившееся действие как еще релевантное для момента говорения, а проспектив обозначает действие, которое еще не свершилось, а только планируется или задумывается, также как актуальное для момента говорения.

Таким образом, лексему *śi / č̣i* можно считать аспектуальным показателем, который маркирует одновременно и подготовительную стадию процесса (проспектив), и его результирующую стадию (результатив), т. е. является показателем внешних стадий [Плунгян, 2011. С. 385] протекания действия.

Ниже представлена система аспектуальных значений частицы *śi / č̣i*:

*Частица *śi / č̣i* как показатель актуального членения*

Другой особенностью частицы *śi / č̣i* является ее рематический характер: она служит показателем ремы и употребляется в общеинформативных высказываниях, отвечающих на пол-

ный диктальный вопрос *Что случилось? Что произошло?*, относящийся к сказуемому, например:

(26) шур.

Rəjtekət tāta-tuta pukətən^T // ^R śi jāŋχλət.

rəjtek=ət	tāta	tuta	puk=ət=ən	śi	jāŋχ=λ=ət
куропатка=Pl	здесь	там	стая=Pl=LOC	ВОТ	ходить=Pr=SUBJ/3Sg

‘Там и здесь стаями летают (букв.: ходят) куропатки.’

(Высказывание отвечает на вопрос *Что делают куропатки?* Рема – глагольное сказуемое *jāŋχλət* в сочетании с частицей *śi*.)

(27) шур.

Neməlt ānt wersəm, tālən χātət tup jet-jōχi^T // ^R śi šušsəm.

neməlt	ānt	wer=s=əm	tālən	χātət
ничего	NEG	делать=PAST=SUBJ/3Sg	целый	день
tup	jet	jōχi	śi	šuš=s=əm
только	вперед	назад	ВОТ	ходить=PAST=SUBJ/1Sg

‘Ничего не делала, целый день только взад-вперед ходила.’

(Высказывание отвечает на вопрос *Что делала целый день?* Рема – глагольное сказуемое *šušsəm* ‘ходила’ в сочетании с частицей *śi*.)

Связь перспектива и перфектива с актуальным членением вполне естественна: такое событие становится центром коммуникации, оно коммуникативно значимо, поэтому и помещается в рематическую часть высказывания. Соответственно, средства выражения ремы и актуального в момент речи результата в хантыйском языке оказываются общими. Первичной функцией частицы *śi* / *č̣i* является выражение ремы. Маркирование актуального для момента речи события в близком прошлом или близком будущем является вторичной функцией, вытекающей из общей коммуникативной маркированности таких событий.

Модальные значения частицы *śi* / *č̣i*

При именных предикатах может наблюдаться усиление модального значения неизбежности (что-то обязательно случится):

(28) шур.

Tām tawijən kāt χōś jan tāla śi jīt

tām	tawij=ən	kāt	χōś	jan	tāl=a	śi	ji=l=∅
этот	весна=LOC	два	POSTP	десять	год=DAT	ВОТ	стать=Pr=SUBJ/3Sg

‘Это весной ему (ей) вот-вот исполнится 12 лет (букв.: 12-летним станет).’

При глагольных предикатах в определенных контекстах также возникает представление о высокой степени вероятности осуществления действия. Как правило, оно сопровождается указанием на определенные условия или обстоятельства, которые приводят к неотвратимым последствиям.

(29) сынск.

Wewli jātłam śi tupəttən.

wew=li	jāt=lam	śi	tupət=l=ən
сила=CARIT	сустав=POSS/1Sg/Pl	ВОТ	повредить=Pr=SUBJ/2Sg

‘Ты повредишь мои слабые суставы.’

В примере 29 приводятся слова коня, обращенные его хозяину, который грубо с ним обращается, мучает его непосильной работой. В данном случае подразумевается обязательное наступление результата, а не достижение его в ближайшее время.

В целом же такие контексты нетипичны для данной частицы, они единичны, и, возможно, их интерпретация субъективна. Специализированным, но не частотным в текстах средством

выражения модальной семантики являются причастные конструкции с послелогом *kema* 'до' (букв.: до края), в основе которых также лежит пространственная семантика достижения предела осуществления действия:

$Tv = PART + POSTP + \acute{s}i + Tv$

(30) каз.

Jöχatti kemata śi küš jis, [təp χətət pitərən wan χətəŋ neŋət pila wəjtantəs pa pötəra tölməs].

jöχət=ti kəm=ət=a śi küš ji=s=Ø
прийти=PrP край=POSS/3Sg/Sg=DAT вот хотя стать=PAST=SUBJ/3Sg

‘Она должна была вот-вот прийти (букв.: хотя она вот стала к краю [того, чтобы] прийти), [но возле дома встретила соседку и остановилась в ней поговорить].’

Причастная конструкция усиливает модальную составляющую описываемого события: приход ожидался в скором времени, но не состоялся.

Для хантыйского языка контексты, в которых речь идет о нереализованных ожидаемых событиях, воспринимаются как неестественные. В ответ на стимул «Гроза должна была вот-вот начаться, но сильный ветер разогнал тучи» мы получили реакцию, в которой модальный смысл отсутствует, и выразить его информанты-эксперты не считали нужным и возможным. Конструкция перестраивается таким образом, что первое действие представляется как уже начавшееся, но прерванное в самом начале:

(31) каз.

Pälŋen nōχ śi eləməs, təp tak wətən ara tōsi.

pälŋen nōχ śi eləm=əs=Ø
гроза вверх вот подняться=PAST=SUBJ/3Sg
təp tak wət=ən ara tō=s=i=Ø
только сильный ветер=LOC в разные стороны нести=PAST=PASS=SUBJ/3Sg

‘Гроза началась (букв.: тучи поднялись вверх), но сильный ветер разогнал их в разные стороны.’

Таким образом, модальные значения для частицы *śi* / *či* являются периферийными, что подчеркивает ее аспектальный характер.

Материал хантыйского языка дает возможность, с одной стороны, рассматривать перспектив в единстве с результатом как функционально-семантическую категорию, одним из способов выражения которой являются лексические средства. С другой стороны, единство средств выражения перспектива / результата и актуального членения демонстрирует высокую коммуникативную маркированность подобных событий, предопределяющих их рема-тичность.

Модальная частица *χǎś*

В хантыйском языке есть еще одна частица *χǎś* ‘почти’, в значении которой актуализируется связь перспектива с модальностью. С глаголом в форме настоящего времени эта частица обозначает действие, которое может произойти с высокой степенью вероятности.

$χǎś + Tv = Pr$ (высокая степень вероятности осуществления события)

(32) сынск.

Łöχsem iki śi kem atəm akar tājət, ti χǎś pölemət.

łöχsem iki śi kem atəm akar tāj=ət=Ø
друг мужчина такой плохой сторожевая собака иметь=Pr=SUBJ/3Sg
ti χǎś pölem=ət=Ø
здесь почти укунить=Pr=SUBJ/3Sg

‘У моего друга такая плохая сторожевая собака, может укунить (букв.: здесь почти уку-сит).’

В примере 33 подразумевается, что такое жирное существо может лопнуть в любой момент, хотя совершенно не обязательно, что это событие произойдет в ближайшем будущем и вообще произойдет.

(33) каз.

Моньсьнэ апалэл манум юпийн хаюм кор-
тада манас, ов пунисаддэ, вантыйд, мат-
тырн, Ялань Ики симурт вуйтум, ара хась
си похал [Вагатова, 1996. С. 62].

‘Когда сестра *Mons’ne* ушла, она пошла в
заброшенный дом, открыла дверь и заглянула
внутри: оказывается, *Yalan Iki* так разжирел,
вот-вот лопнет.’

ара хась си рэхәт

ара хась си рэхәт=Ø
в разные стороны почти вот лопнуть=Pr=SUBJ/3Sg
‘(он) вот-вот лопнет’

В отличие от частицы *si*, частица *хась* обозначает неотвратимое событие, которое случится с высокой долей вероятности, но время его осуществления не определено: оно может случиться когда угодно или не случиться никогда. Соответственно, в значении данной частицы модальное значение преобладает над перспективным.

С глаголом в форме прошедшего времени частица *хась* обозначает, что событие было на грани осуществления, но так и не произошло, например:

хась + Tv = Past (авертив)

(34) шур.

Ши араг палтамисәм, сәмли хась писәм.

ши араг палтамисәм
так испугаться=PAST=SUBJ/1Sg
сәм=ли хась писәм
сердце=CARIT почти стать=PAST=SUBJ/1Sg
‘Я так испугалась, что чуть не умерла (букв.: почти без сердца стала).’

(35) каз.

Мин жөхи хась хәссәмән. [Pəjest mǎntaʃ jəpɨjən tɔp tɛstəmsəmən.]

мин жөхи хась хәссәмән
1Du обратно чуть не опоздать=PAST=SUBJ/1Du
‘Мы обратно чуть не опоздали. [Сели на поезд прямо перед отправлением].’

В языках, где такое значение грамматикализовано, оно получило название «авертив». В хантыйском языке оно сложно связано с отрицанием: чаще всего данная частица употребляется в формально утвердительных предложениях, но имеются и единичные примеры с отрицанием:

(36) сынъск.

Хась ән керіяс.

хась ән керіяс
чуть не перевернуться=PAST=SUBJ/3Sg
‘Чуть не перевернулся.’

Таким образом, с глаголами и настоящего, и прошедшего времен частица *хась* передает высокую степень вероятности наступления события: в реальности были или имеются все предпосылки для того, чтобы действие осуществилось, и тем не менее оно не реализуется в прошлом и очевидно, что в будущем оно тоже вряд ли произойдет.

Представим схематически распределение функций хантыйских частиц *ši / či* и *χǎś* в зависимости от временных форм глаголов, с которыми они сочетаются:

<i>ši / či</i>	<i>χǎś</i>
Pr (проспектив)	Pr (вероятность)
Past (перфектив)	Past (авертив)
Аспект	Модальность

Другие средства выражения проспективности

Для выражения проспективной семантики с оттенком неизбежности может использоваться модальный глагол *wūtśəti* ‘хотеть, пробовать, намереваться, начать, стать’ [Соловар, 2006. С. 56]. Проспективная семантика актуализируется при неодушевленных субъектах или в безличных предложениях, например:

(37) каз.

Щǎлта паици аļǎна йиты вўтыщǎс, паици ин хǎлхуеļ, айкеļ тǎты вояļ паици юхтǎс. Па юхтǎс, лупияļ: – Ин, – лупļ, – юрǎнјан паици – лупияļ, – йиļǎт. Юхǎтты ици вўтыщǎст [Шмидт, Пятникова, 2006. С. 37].

‘Вот стало также рассветать, опять ворон, ее птица-вестник, снова прилетел. Прилетел, говорит: – Сейчас, – говорит, – ненцы опять едут. Вот скоро уже подъедут’ [Шмидт, Пятникова, 2006. С. 131].

Šǎлта ра šǐ аļǎна јити wūtśəs...

šǎлта	ра	šǐ	аļǎн=a	ји=ti	wūtśə=s=∅
потом	и	вот	утро=DAT	стать=PrP	собираться=PAST=SUBJ/3Sg

Букв.: и потом вот к утру стать собиралось

‘перед самым рассветом, когда должно было вот-вот рассвети...’

Данный контекст интересен тем, что в нем дважды употребляется глагол *wūtśəti* в проспективном значении, причем во втором случае он относится к одушевленному субъекту *ненцы*, но обозначает не модальное значение намерения, а их скорый и неотвратимый приезд:

Jǎχǎtti šǐ wūtśəsǎt.

jǎχǎt=ti	šǐ	wūtśə=s=ǎt
приехать=PrP	вот	собираться=PAST=SUBJ/3Pl

‘[Ненцы] вот-вот подъедут.’

Показательным является также использование формы прошедшего времени для выражения неотвратимого события, которое еще не совершилось, но не может не произойти.

Направление развития значения этой конструкции от модального к проспективному мало характерно для хантыйского языка, но хорошо известно в языках других систем, в которых проспективные конструкции являются результатом грамматикализации модальных глаголов.

В определенных контекстах высокую степень вероятности события может обозначать также и страдательный залог. В следующем отрывке героиня призывает поскорее уплыть с того места, куда пристала лодка с гостями, так как она знает, что их вот-вот убьют. Это высказывание звучит как предсказание-предостережение и основано на уверенности в том, что грозящая опасность вполне реальна:

(38) каз.

Нык метиалн, мǎнļуе! Велјаюв тǎта ‘Отталкивайте [лодку от берега], поедем! [Шмидт, Пятникова, 2006. С. 87]. Нас здесь убьют.’

Welłajǎw tǎta.

welłǎ=ł=aj=ǎw	tǎta
убить=Pr=PASS=SUBJ/1Pl	здесь

‘Нас здесь убьют.’

Итак, частицы хантыйского языка в силу своей многозначности выражают значения, составляющие ближайший для перспектива круг значений: частицу *śi / ċi* можно признать аспектуальной, маркирующей внешние границы актуального для момента речи действия в ближайшем прошлом и ближайшем будущем, признак актуальности дополнительно активизирует рематичность события; частицу *χǎś* следует признать модальной: она обозначает высокую степень вероятности осуществления события в прошлом или будущем, при этом в высказываниях с этой частицей ничего не сообщается о том, наступит ли это действие в действительности или нет. Для других средств (причастных конструкций, аналитических конструкций с модальными глаголами, форм страдательного залога) семантика перспективности является периферийной и возникает в определенных типах контекстов на фоне модальных значений.

Средства выражения перспективности в русском языке

Лексические средства. В русском языке также имеется лексическое средство – наречие *вот-вот*, которое может обслуживать круг перспективных значений. Из Национального корпуса русского языка⁵ мы выбрали 300 примеров перспективной семантики. В отличие от аналогичной хантыйской лексемы, имеющей свободную сочетаемость как с формами настоящего, так и с формами прошедшего времени, русское наречие сочетается только с глаголами совершенного вида будущего времени. Соотношение одушевленных и неодушевленных субъектов примерно одинаково, с незначительным (на 5 %) преобладанием предложений, в которых субъектом действия является лицо:

вот-вот + Tv = Perf Fut

- одушевленный субъект: *Мне казалось – я повисла в воздухе и вот-вот полечу* (А. И. Куприн. Гранатовый браслет. 1911); *Жалко просунул голову в дверь: не спите? Едва расслышал правдивое: вот-вот усну. Окно вам не открыть?* (А. Терехов. Каменный мост. 1997–2008); *Аля боялась, что он вот-вот покажется на повороте...* (А. Берсенева. Полет над разлукой. 2003–2005);

- неодушевленный субъект: *Пламя вдруг заколебалось, вот-вот потухнет* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга. 2010); *Вокруг темно, резкие холодные порывы ветра. Вот-вот начнется гроза. Все бегут с пляжа* (М. Шишкин. Письмовник. 2009 // Знамя. 2010); *Собаки спят в пледах, кошки жмутся к камину, в город вот-вот придет настоящая зима* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки. 2004).

Особенностью русского языка является связь значения перспективности с модальностью, которую отмечал еще Б. Комри: в 22 % выборки это наречие сочетается с какими-либо модальными показателями, чаще всего с *должен*, а также *готов*, *предстоит* и некоторыми другими. Например:

В самом деле, ведь вот-вот должна начаться война, надо к ней готовить народ... (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. 1978. Ч. 2); *И по всем признакам дед должен был вот-вот приехать* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница // Октябрь. 1996); *Вот-вот, наверно, должен был хлынуть тёплый крупный летний дождик* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. 1964. Ч. 2).

Таким образом, сходные в русском и хантыйском языках средства выражения перспективности – лексемы со значением ‘вот-вот’ – могут передавать и другие отношения в зависимости от характерных особенностей языка в целом: в хантыйском языке частица *śi / ċi* является показателем аспектуальности и актуального членения, модальные оттенки ее значения реализуются крайне редко, тогда как русское наречие *вот-вот*, наоборот, связано с потенциальной модальностью, на что дополнительно указывает возможность сочетания только с глаголами совершенного вида будущего времени.

⁵ www.ruscorpora.ru

Хантыйская частица *ši / čī* и русское наречие *вот-вот*

Хантыйский	Русский
<i>ši / čī</i> ‘вот-вот’	<i>вот-вот</i>
Pr (проспектив)	Perf Fut (проспектив)
PAST (перфектив)	Ø
Аспект	Модальность

Другим лексическим средством, относящимся к периферии проспективности в русском языке, является наречие *почти*, которое фиксирует процесс в точке, максимально близкой к финалу. Подобные показатели В. А. Плунгян называет «псевдо-комплетирами» [2001]. В интересующем нас значении это наречие чаще всего сочетается с наречием *уже* и глаголом совершенного вида в форме прошедшего времени, например:

А я уже почти дошёл до выхода из коридора (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью. 2001); *Снег уже почти сошел. Прошлогодней листвой пахнет* (М. Шишкин. Письмовник. 2009 // Знамя. 2010); *Посмотрим, чем вы нас накормите, не знаю, как другие, а лично я уже почти умер от голода* (И. Грекова. На испытаниях. 1967).

Возможны, хотя и редко встречаются формы будущего времени, например: *На этой мысли мальчик утомился и вышел на двор: все равно кино не начнется без Андрея Петровича и Рувима Израилевича и в любом случае уже почти кончится к неурочному приезду товарища старшего майора...* (Б. Кенжеев. Из Книги счастья. 2007 // Новый Мир. 2008).

Во всех этих примерах передается значение относительного будущего – «будущее в прошедшем» или «будущее в будущем».

Наречие *уже* считается типичным показателем перфектива [Рахилина, Летучий, 2013. С. 43], его употребление вместе с *почти* создает конструкцию, зеркальную проспективной: несмотря на то, что глагол стоит в форме прошедшего времени, в предложении сообщается о событии, которое находится в фазе реализации и вот-вот завершится. Происходит так называемый *проспективный сдвиг*: употребление прошедшего времени обусловлено предвосхищением дальнейшего развития событий [Князев, 2007. С. 97].

Такие построения можно признать особой разновидностью перфектива, которая обнаруживает тесную связь с проспективом. Проспективность создается представлением о том, что завершение события мыслится как обязательное в ближайшем будущем, при этом фиксируется финальная стадия процесса: в ближайшем будущем уже начавшийся процесс должен прийти к своему завершению ('вот-вот наступит конечная стадия развивающегося события'). В этом состоит отличие от собственно проспектива, который фиксирует момент, находящийся на грани начала события – оно еще не началось, но вот-вот начнется ('вот-вот наступит начальная стадия события'). В русском языке данное значение грамматикализовано как перфектив, так как выражается глаголами совершенного вида прошедшего времени и наречием *уже*, но лексема *почти* вносит в эту перфективную форму элемент проспективной семантики, поэтому можно было бы назвать такое значение «проспективным перфективом». Схему перспективных аспектов С. Дика можно дополнить подобными разновидностями значений, которые как в зоне перфектива, так и предположительно в зоне проспектива могут детализировать течение уже начавшегося события.

Почти без уже, а также *почти* в сочетаниях с глаголами несовершенного вида может передавать совсем другой тип отношений, связанный либо с модусными смыслами условности выбора номинаций, либо с обозначением неполноты совершения действия, ср.:

Она помолчала и вдруг почти выкрикнула (голос повысился на полтона): «Я так и знала!» (А. Волос. Недвижимость. 2000 // Новый Мир. 2001) – в этом примере вставка указывает на то, что в действительности героиня не перешла на крик, так как голос повысился всего на полтона; *Митя меня поднял, почти внёс в вагон* (И. Грекова. Перелом. 1987) – Митя лишь помог героине, перенесшей операцию после сложного перелома ноги, войти в вагон, опираясь на костыли; он не нес ее на руках в буквальном смысле этого слова; но его помощь была столь ощутима, что создавалось впечатление несамостоятельного передвижения героини; *Дина шла быстрым шагом, почти бежала, и Глебов так же быстро шёл с ней рядом* (Ю. Трифонов. Дом на набережной. 1976) – контекст показывает, что героиня не бежала,

а шла, хотя и очень быстро; *Он почти ненавидит окружающие его плечи, локти, головы* (И. Грекова. Знакомые люди. 1982) – наречие *почти* смягчает степень проявления сильной эмоции, которая близка ненависти.

Несмотря на то, что русское *почти* является наиболее близким переводным эквивалентом английского *almost*, которое ассоциируется с проксимативом (вспомним *ALMOST-aspect* Б. Хайне; о выражении перспектива адвербами в разных языках см. также: [Cinque, 1999; Плунгян, 2001; Pons Bordería, Schwenter, 2005; Nouwen, 2006]), система его значений лишь косвенно соотносится с перспективной семантикой. Толкование этого слова через эквиваленты *едва ли не*, *чуть ли не*, предлагаемое словарями, дает отсылку к модусным метакатегориям условностей номинации, ср.: *Он почувствовал, что краснеет, чуть ли не плачет, но Аня ничего не замечала* (А. Варламов. Купавна // Новый Мир. 2000); *Глава правительства опять сорвался и едва ли не завизжал...* (В. Аксенов. Таинственная страсть. 2007). Перспективная семантика возникает в определенном окружении – лексического средства *уже* и грамматической формы глагола совершенного вида прошедшего времени.

Синтаксические средства. В русском языке имеется еще одно средство выражения перспективной семантики, восходящее к локативной конструкции, – *быть на грани / на краю чего*. Выражение *быть на грани чего* довольно частотно и допускает свободное лексическое наполнение, при этом позицию имени в форме родительного падежа занимают существительные пропозитивной семантики, являющиеся номинализациями событий, тогда как конструкция *на краю чего* в подавляющем большинстве случаев передает собственно пространственное значение и позиция имени заполняется именами существительными предметной или пространственной семантики. Выражения *на краю смерти* и *на краю гибели* являются редкими случаями реализации событийной, а не локативной семантики. Например:

Голос её непривычно звенел, похоже, она была на грани – срыва, истерики, не знаю чего (В. Белоусова. Второй выстрел. 2000); *В тот год, когда я пришла в Большой театр, этот спектакль был на грани снятия с репертуара из-за того, что возникли сложности с подбором исполнителей...* (И. А. Архипова. Музыка жизни. 1996); *Владимир Максимович ещё пытается общаться со мной, но я чувствую, что он уже на грани принятия обета молчания* (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть. 2011); *Будь проклято это чувство надежды на краю гибели, этот рудимент нещерного оптимизма* (В. Быков. Бедные люди. 1998); *Я ведь был, пышно выражаясь, на краю смерти* (И. Грекова. Перелом. 1987).

Обозначение события при помощи глагольной формы встречается крайне редко (всего три примера в НКРЯ), конструкция при этом трансформируется в сложноподчиненное предложение вмещающего типа: *Мой друг Хашем был на грани того, чтобы объявить себя Богом, по сути, он уже совершил это...* (А. Иличевский. Перс. 2009).

Таким образом, отличительной чертой русских локативных конструкций с семантикой перспективности является сохранение их собственно пространственной структуры благодаря номинализации события. Значение перспективности возникает как переносное значение синтаксической конструкции в целом и представляет собой типичную грамматическую метафору: «близость в пространственном отношении» → «близость во временном отношении», перенос осуществляется из пространственной сферы в темпоральную. Английские выражения типа *on the verge of V-ing*, *be about to*, *going to* предполагают глагольные формы для обозначения события. Соответственно, пространственная метафора создается не на основе типовой семантики синтаксической конструкции, а в большей степени лексическим значением служебных элементов, при которых обозначение события не утрачивает глагольной формы.

Значение перспективности в русском языке не грамматализовано, однако имеется спектр разноуровневых средств, при помощи которых это значение можно передать. Их полную инвентаризацию и систематизацию еще предстоит сделать. При этом система таких средств демонстрирует те же самые признаки, которые характеризуют грамматические системы других языков, в которых эта семантика выражается специальными грамматическими формами, в частности, симметричность перспектива и перфектива, связь с временными планами самого события и точкой отсчета, основными типами языковых средств, которые могут передавать значение перспективности.

Итак, перспектив как грамматическая категория довольно широко представлен в языках разных систем. Однако установление границ этой категории в каждом конкретном случае

зависит от многообразных индивидуальных особенностей языков, что приводит к довольно широким вариациям в ее трактовке. В этой ситуации уместно было бы говорить о перспективе как о компаративном концепте (*comparative concept*) [Haspelmath, 2010], являющемся продуктом научной абстракции и не тождественном перспективу как дескриптивной категории в конкретном языке.

Список литературы

Аркадьев М. П. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 45–121.

Виноградов И. А. Аспектуальные системы языков майя // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 662–703.

Волков В. С., Даниэль М. А., Пупынина М. Ю., Рыжова Д. А. К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 396–457.

Выдрин В. Ф. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 566–645.

Горбова Е. В. О строении аспектуально-темпоральной системы испанского языка // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 149–180.

Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 311–360.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 701 с.

Кудринский М. И., Попова Д. П., Симоненко А. П. Фокусные частицы в казымском диалекте хантыйского языка: анализ приименных употреблений // IX Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, посвящ. 80-летию В. С. Храковского: Материалы. СПб., 2012. С. 101–106. URL: <http://www.iling.spb.ru/confs/typo2012.pdf>

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.

Маслова Е. С. К типологии перспектива: категория провиденциализма в юкагирских языках // Исследования по теории грамматики. М., 2004. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. С. 212–225.

Панов В. А. Аспектуальные функции латинских превербов: проблемы описания // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 707–734.

Перехвальская Е. В. Выражение аспектуальных значений в удэгейском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 361–395.

Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. М.: Русские словари, 2001. Вып. 1: Глагольные категории. С. 50–88.

Плунгян В. А. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // Основы африканского языкознания: глагол. М., 2003. С. 5–40.

Плунгян В. А. О категории «темпоральной подвижности» в армянском языке // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 115–124.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

Плунгян В. А. Предисловие // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 7–42.

Рахилина Е. В., Летучий А. Б. Вокруг перфекта: квазиграмматические конструкции с квазиграмматическим значением // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы: Тез. докл. Санкт-Петербург, 12–13 сентября 2013 г. СПб., 2013. С. 43–44. URL: <http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf>

Эрман А. В. Прогрессив в дан-бло // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, ч. 2: Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. С. 648–661.

Anderson J. M. An Essay Concerning Aspect. The Hague; P.: Mouton, 1973.

Binnick R. Time and the Verb: A Guide to Tense and Aspect. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1991.

Cinque G. Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective. Oxford Studies in Comparative Syntax. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.

Comrie B. Aspect. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1976.

Comrie B. Tense. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.

Coghill E. The Grammaticalization of Prospective Aspect in a Group of Neo-Aramaic Dialects // Diachronica. 2010. Vol. 27. Is. 3. P. 359–410. URL: <http://kops.ub.uni-konstanz.de/bitstream/handle/urn:nbn:de:bsz:352-125237/coghill.pdf?sequence=2>

Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. L.; N. Y.: Basil Blackwell, 1985.

Dahl Ö. The Grammar of Future Time Reference in European Languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 309–328.

Dik S. The Theory of Functional Grammar: The Structure of the Clause. Walter de Gruyter, 1997. 509 p.

Emanatian M. Point of View and Prospective Aspect // Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Sessions and Parasession on the Grammar of Event Structure. Berkeley, 1991. P. 483–495.

Erelt M., Metslang H. Some Notes on Proximative and Avertive in Estonian // Linguistica Uralica. 2009. Vol. 45. Is. 3. P. 178–191. URL: http://www.kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2009/issue_3/ling-2009-3-178-191.pdf

Fleischmann S. From Pragmatics to Grammar. Diachronic Reflections on Complex Pasts and Futures in Romance // Lingua. 1983. Vol. 60. P. 83–214.

Haspelmath M. Comparative Concepts and Descriptive Categories in Cross-Linguistic Studies // Language. 2010. Vol. 86. Is. 3. P. 663–687.

Heine B. On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximative // Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics. Berkeley, 1994. Vol. 20. P. 35–46.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

Johanson L. Aspekt im Türkischen // Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971. S. 180–184.

Johanson L. Viewpoint Operators in European Languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe / Ed. by Ö. Dahl. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.

Johanson L. Türkeitürkische Aspektotempora // Tense Systems in European Languages / Eds. R. Thieroff, J. Ballweg. Tübingen: Niemeyer, 1994. P. 247–266.

König C. Aspect in Maa. Cologne: Univ. of Cologne, 1993 (Afrikanistische Monographien 3).

Kuteva T. Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford Univ. Press, 2001.

Narrog H. Modality, Subjectivity, and Semantic Change: A Cross-Linguistic Perspective. Oxford Univ. Press, 2012.

Nevskaya I. The Typology of Prospective in Turkic Languages // Sprachtypologie und Universalienforschung. Focus on: Sentence Types and Sentence Structures / Eds. J. Gippert, M. Erdal, R. Voßen. 2005. No. 58/1. P. 111–123.

Nouwen R. Remarks on the Polar Orientation of *almost* // Linguistics in the Netherlands 2006 / Eds. J. van de Wejer, B. Los. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 162–173. (Linguistics in the Netherlands 23). URL: <http://semanticsarchive.net/Archive/DcyMzAyO/almost.pdf>

Pons Bordería S., Schwenter S. Polar Meaning and ‘Expletive’ Negation in Proximate Adverbs: Spanish *por poco (no)* // Journal of Historical Pragmatics. 2005. No. 6. P. 262–282.

Pustet R. The Lakota Aspect / Modality Markers *-kinica* and *-tkha* // Modality-Aspect Interfaces: Implications and Typological Solutions / Eds. W. Abraham, E. Liess. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 331–355.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. L.: Longman, 1985.

Reed S. Evaluating Prospectivity in a Neo-Reichenbachian Aspectual System // Coyote Papers. Tuscon, AZ, 2012. Vol. 19: Proceedings of the Arizona Linguistic Circle 5. URL: <https://arizona.openrepository.com/arizona/bitstream/10150/231211/1/Reed2012EvaluatingProspectivity.pdf>

Rhee S. Grammaticalization of Proximate Aspect in Korean // The Journal of Linguistic Science. 2005. No. 35. P. 149–168.

Romaine S. The Grammaticalization of the Proximate in Tok Pisin // Language. 1999. Vol. 75. No. 2. P. 322–346. URL: <http://www.jstor.org/stable/417263>

Schroeder S. A Case for *be going to* as Prospective Aspect. The University of Montana, Missoula, MT, 2011. URL: http://etd.lib.umt.edu/theses/available/etd-06172011-003719/unrestricted/Schroeder_Sara_Thesis.pdf

Toews C. The Expression of Tense and Aspect in Shona // Selected Proceedings of the 39th Annual Conference on African Linguistics: Linguistic Research and Languages in Africa / Eds. Akinloye Ojo, Lioba Moshi. ACAL 39. Cascadilla Proceedings Project, Somerville, MA, 2009. P. 32–41. URL: <http://www.lingref.com/cpp/acal/39/paper2184.pdf>

Ziegeler D. Interfaces with English Aspect: Diachronic and Empirical Studies. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Список источников

Вагатова М. Ай Нёрум Хо: Стихат па моньсят. Маленький Тундровый Человек: Стихи и сказки. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с.

Касум мув моньшат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской / Сост. С. С. Успенская. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 292 с.

Сказки Вандымовой Татьяны Ксенофоновны / Сост. С. Д. Дядюн; под ред. В. Н. Соловар. Ханты-Мансийск: Изд-во «Юграфика», 2012. 94 с.

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: Миралл, 2006.

Шмидт Е., Пятникова Т. Р. Арӕн моньшат (моньщ-арӕт). Песни-сказки. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 164 с.

Список условных сокращений и обозначений

Диалекты и говоры хантыйского языка: западные: каз. – казымский, сынъск. – сынъский, шур. – шурышкарский; восточные: сург. – сургутский.

= – морфемная граница; Ø – нулевой аффикс; **ADJ** – прилагательное; **ADV** – наречие; **CV** – показатель конверба; **DAT** – аффикс дательного падежа; **Du** – аффикс двойственного числа; **EVID** – показатель наклонения неочевидного действия (эвиденциалис); **IMPER** – императив; **LOC** – аффикс местно-творительного падежа; **N** – имя существительное; **NEG** – от-

рицательная частица; **NOM** – показатель именительного падежа; **OBJ** – показатель объектного спряжения; **PASS** – показатель страдательного залога; **PAST** – суффикс прошедшего времени; **Pl** – суффикс множественного числа; **POSS** – лично-притяжательный суффикс; **PP** – аффикс причастия прошедшего времени; **Pr** – аффикс настоящего времени; **PrP** – аффикс причастия настоящего времени; **R** – рема; **Sg** – показатель единственного числа; **SUBJ** – показатель субъектного спряжения; **T** – тема; **Tv** – основа глагола; **V^{EX/AUX}** – вспомогательный бытийный глагол; **V_f** – финитная форма глагола.

Материал поступил в редколлегию 10.12.2013

N. B. Koshkareva

PROSPECTIVITY IN KHANTY AND RUSSIAN

Khanty and Russian share similar lexical means of expressing prospectivity as functional-semantic category, describing a temporal phase located close before the initial boundary of the situation expressed by the main verb. Despite the external similarity of the lexical means in Khanty and Russian, they demonstrate different strategies of combining the prospective semantics with different grammatical categories: in Khanty the particle *śi* can be treated as an aspectual and pragmatic marker, while in Russian synonymous adverb *вот-вот* combines semantics of prospectivity with modal meaning.

Keywords: prospectivity, prospective aspect, proximative aspect, perfective aspect, avertive, Khanty, Russian.